

ВИКТОР
ГОФМАН

Полустанки

**ВИКТОР
ГОФМАН**

Полустанки

Художественно-издательский центр

Москва
2011

1974

1985

* * *

Как зверёк недогадливый, бился
В милосердных ладонях твоих,
А потом слепоте удивился,
Изнемог, присмирел и затих.

Мне теперь хорошо одному
Наблюдать, как плывут полустанки, –
Прислонившись к окошку в ушанке,
Улыбаясь не зная чему.

НА ЛЫЖАХ

Я ухожу однообразья
И людных улиц ухожу,
Я натираю лыжи мазью
И в лес темнеющий скольжу.

Напрасно тусклое светило
Зовёт к безвольному добру –
Уже пространство охватило
Меня отрадой на ветру.

Моё дыхание всё чаще,
Всё легче вдохновлённый бег,
В лицо летит, как бы звучащий,
Несущийся над полем снег.

И горькой радостью свободы
Так упоительно дышать
И в каждом вдохе осушать
Мне уготованные годы!

СТОЛЕШНИКОВ

Здесь, в каморке за углом,
Одиноко проживала
Баба Ида и крестом
На холстине вышивала.

Я заглядывал сюда,
Проходя в толпе случайно:
В умывальнике вода
Вечно капала печально.

Помню, пахло утюгом.
Я садился за журналы.
Угощала пирогом,
Родственников вспоминала.

И таращились с тахты
Куклы с грязными щеками,
Словно принцы и шуты
Целовали их веками

Под портретом Ильича
Было тускло и уныло,
И хозяйка, бормоча,
Кошку старую кормила.

Так жила она, жила.
Терпеливо проживала.
Постепенно умирала.
Незаметно умерла.

У МОРЯ

1

Грохочет пляж, шипит транзистор,
И слышен громкий детский плач,
В худую спину шахматиста
Случайно попадает мяч.

Уже вторично репродуктор
На катер «Куйбышев» зовёт,
Но все едят свои продукты,
На небо выпучив живот.

И сердцу радостно хотя бы,
Когда с добычею в руке
Охотник на несчастных крабов
Стоит победно на песке.

Всё изменилось, всё смешалось,
И я никак не разделю
Презрение моё и жалость,
Насмешку и любовь мою.

Мне хочется взорваться словом
И, проповедуя, пройти
По ресторанам и столовым
И жир с клеёнок соскрести.

Или надеть большие ласты,
На миг дыханье задержать,
Нырнуть на дно Экклезиаста
И через трубочку дышать.

БАЙРОН

Когда б я не был ввергнут в эту муть,
Когда б не время с хваткою паучьей,
Всё выше в небо воздуха глотнуть
Не уходила б музыка созвучий,

Но суматоха искажает суть
И раздражает в схватке неминучей –
И вот уж негде взгляду отдохнуть,
И дух тревожный всё дружнее с тучей,

Устав в толпе томиться взаперти,
Устав по будням, как червяк, ползти
И остывать, и уповать на случай.

Мне негде быть и некуда идти.
И ты меня, пожалуйста, прости
И тихой добродетелью не мучай.

* * *

Офелия гибла и пела...

А. Фет

Что там невнятно лепетала ты,
О чём волнам блаженно напевала,
Кому с улыбкой слабою кивала,
Соединяя в забытьи цветы,
Последнее сплетая покрывало?

Невинная... Но кто же виноват?
Печальная... Но кто же не печален?
Когда дохнуло холодом из спален,
Зачем меня не отыскал твой брат?
И я теперь – как ветер меж развалин.

Чего ты ищешь, вольный и больной,
О чём свистишь, зачем ты камни точишь,
Чего ты здесь ещё добиться хочешь –
Или, не в силах сжиться с тишиной,
И ты поёшь, и ропщешь, и бормочешь?

* * *

Ладшки тннут побнрушки
И шепелявт о Хрнсте;
Сндет купол в высоте,
И крестятся на крест старушки
И поминают о посте.

...Потом плетутся вдоль ограды,
Ногами шаркая в пыли,
И растворяются вдали,
Как будто впрямь кому-то надо,
Чтоб так согбенно шли они.

Простой и пыльной их дороги
Зачем и мне не подарил
И в бедном сердце поселил
Неутолимые тревоги
И отрицанья странный пыл?

* * *

Саше

К брату я шёл через поле ночное,
Вьюга округу во тьме заметала,
Мелкие хлопья несла предо мною
И равнодушно в лицо мне хлестала.

Долго я бредил в бревенчатом доме,
Долго валялся на душной кровати,
Ветки качались в оконном проёме,
Только очнулся – и вспомнил о брате.

Здесь он, за полем, работает бедный,
Может, устал и навстречу мне вышел,
Голос как будто еле заметный
Там, за метелью, тоскуя, услышал.

В плотных сугробах во тьме утопая,
Всё оставляя вдали за спиною,
И причитая, и слёзы глотая,
К брату я шёл через поле ночное.

БАРАТАШВИЛИ

Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу, –
И вот ты, живая, журчишь, убегаешь...

Застывший, бесстрастный, как снег на вершине,
Белеющий немо над звучной тобою,
Когда его солнце весною коснётся,
Когда он услышит твой зов каменистый, –
Я плачу, Арагва!

Холодным терпеньем иссушено сердце,
Угрюмое горло мне жалость сдавила,
И годы восстали, и тянутся к жизни
Былые надежды...

Окрестных селений слепые отары
Послушно и сонно на склонах пасутся;
Но нет мне смиренья!

И плещутся пенно бегущие волны
О горные камни;
Но нет мне восторга!

И вольные птицы парят над вершиной;
Но нет мне покоя!

А время проходит, прохладой вея...
Я плачу, Арагва!

* * *

Когда я стану старый
И излечусь от боли,
Я выгоню отару
Пастись в большое поле.

А если кто-то вздорный
Захочет доли лучшей,
Пускай он ночью чёрной
Бредёт тропой заблудшей.

Не вывешу звезду я
Над этой головою,
Пусть ищет, негодуя,
В ночи по волчьим воям.

А если станет старый.
Не упадёт от боли,
Пусть выгонит отару
Пастись в большое поле...

О, как земля чужбинна,
Как всё на ней повторно;
И так душе пустынно,
Как небесам просторно!

ДОРОГА

Под одним и тем же солнцем
Начинаешь уставать
С молчаливым, хмурым Джонсом
Мили знойные дремать.

Никогда бы не разжиться
Без его медвежьих лап;
Пыль дорожная ложится
На поля широких шляп.

Развевая звонкой суммой
Мира затхлую мораль,
Пронеси меня, Угрюмый,
Ровной иноходью вдаль.

По ущелью мерно цокай
И по прерии пыли
Меланхолией высокой
Высыхающей земли.

Горячей глотка текилы
Предо мной гори закат –
Только скучные могилы
Одинаково молчат.

* * *

Люблю берёзовую рощу,
Когда сухой октябрь сквозит,
И лист летит как бы на ощупь,
Но плавно в воздухе скользит
И, словно росчерк, предо мною
Выписывает, еле зрим,
И притяженье неземное
Так ласково владеет им.

МОСТИК

Т.М.

Тёплый дождь шелестел по округе,
Словно шалость весеннего дня,
Рядом лёгкая поступь подруги
Иногда оживляла меня.

Мы дошли до большого оврага:
Было слышно журчанье внизу,
И туманная, тихая влага
Чутким паром стояла в лесу.

На исходе намокшей тропинки
Вниз на мостик ступени вели,
Распустившейся вербы пушинки
Невесомо желтели вдали.

И впервые за долгие годы,
Примираясь друг с другом, слились
Женский голос и шелест природы,
Эта жалость земная и высь.

До ступенек последних, до глины
Захотелось с тобою пройти
Этот мостик непрочный и длинный,
Над оврагом невидный почти.

ИГРОК

Он плутовал всю жизнь: то руку перевяжет,
То ногу волочит, то голова в бинтах,
А истинной игры и трети не покажет;
Поди-ка разберись во всех его винтах!

На этот раз решил он притвориться старым,
Ему не привыкать разыгрывать шута –
Подолгу трёт очки, ворчит перед ударом
И ковыляет час вдоль длинного борта.

Но странные дела творятся в этом мире!
Вдруг видит – одряхлев, жена лежит больна,
Неряшливо в делах, неубрано в квартире,
И с внуком на руках осталась дочь одна.

Ступенек пять пройдёшь – и вот уже одышка,
И слабость по утрам, и колется в боку...
Не веселит коньяк, не радует сберкнижка,
И трудно засыпать под смутную тоску.

ПРИБОЙ

Гарри Гордону

Ветер с моря,
и губы в шелковице,
и одесских акаций стручки,
и со скал замечательно ловятся
на креветки большие бычки.

Через годы угрюмые, грузные
Снова вижу, как чайки летят,
Как початки несут кукурузные
И «Горячая пшёнка!» кричат.

Отдалённые классы начальные,
Окрылённый простор голубой,
И гудки пароходные дальние,
И в ликующих искрах прибой!

Вы, как прежде, меня увлекаете,
Набегая, плеща сквозь года,
Воскресая в слабеющей памяти,
Чтоб исчезнуть, уже навсегда.

* * *

Его глаза полузакрыты,
Игра висит на волоске,
И нет у Лужина защиты,
И плачут пешки на доске.

Расплывчаты поля и люди,
И грустен дождик на дворе...
А он блаженствует в этюде,
Не относящемся к игре.

Но всё назойливее лица,
Глаза подруг, дела друзей,
Он к упрощениям стремится,
Форсируя размен ферзей.

И, словно прошлому в насмешку,
Простор пустых полей забыт, –
Реализовывая пешку,
Он в пошлом эндшпиле сопит.

Да, трудно быть несовременным!
И, смотришь, года через три
Он станет тренером и членом
Комиссий, обществ и жюри.

У ПАМЯТНИКА

Под нависшим, беспробудным небом
С горестно поникшей головой,
Заметаемый декабрьским снегом,
Ты сидишь над праздничной Москвой.

Снег ложится на худые плечи.
Тяжело в забвеньи замерзать.
Мне тебя укрыть сегодня нечем,
Не утешить, слова не сказать.

Мир проходит – делает покупки,
Приминает тающий снежок,
Толчет души, как алхимик в ступке,
И меня стирает в порошок.

Мне ещё бежать по магазинам,
Тёмный дух заботою терзать,
В смрадном выживании крысином
Десять раз из гроба выползать.

Через век в бессилии усталом
Посмотреть на город тяжело,
С головой накрыться одеялом
От друзей, от мира, от всего.

СВИДАНИЕ

Старик в расстёгнутой сорочке
Подолгу смотрит в потолок
И пишет, пишет на листочке
Свой бесконечный монолог.

А этот с умилённым взором,
Оставив мятую кровать,
Идёт пустынным коридором
И воздух силится обнять.

А тот, с утра неугомонный,
Твердит, что кончилась земля,
И смотрит в сумрак законный,
Губами странно шевеля.

И я, минуя койки, склянки
И стол с облезлым домино,
Спешу к Наташе-практикантке
С двумя билетами в кино.

Ей в зале в уголке укромном
Я буду пошлости шептать,
И в здравомыслии позорном
Безумный путь свой продолжать.

МАРТ

Б.П.

Осталось мало дней.
И ветер за калиткой
Пронзительно зовёт в забытые края.
Клади, вооружась иголкой и ниткой,
На музыку стежки и звенья бытия.

Шарманку заводи своих перечислений
В попытке всё связать – от свечки до светил;
Так некогда Творец разрозненность явлений
Направил волей вдаль и замыслом пронзил.

Вновь ранняя весна разлила воздух влажный,
И оседает снег, черняя у дорог;
Так остро жизни жаль, и жалок сор бумажный,
И хочется бежать куда-то за порог.

Какой-то дальний свет трепещет занавеской,
И хвоей дышит в дом, и тянет всё сильнее
Туда, где тёплый дождь стучится в окна детской,
И слушать этот шум осталось мало дней.

* * *

Ах, вам наверно незнакомо,
Какая это благодать,
Как после пленума обкома
Парку приятно наподдать.

И, развалившись в финском кресле,
Бесплотный ощутить покой,
И вовсе рай короткий, если
Икра и пиво под рукой.

Но и в предбаннике, потея,
Порой кольнёт подспудный страх,
Пока ещё гудит идея
На убывающих парах.

Пока грядёт, как Кир на Креза,
Князьям зарвавшимся грозя,
Та изначальная аскеза,
Самозабвения стезя.

Она тебя загонит в угол,
На ранний отдых обречёт,
Чтоб ты внучат своих баюкал
И пост в Москве не брал в расчёт.

Но не затем ли реки крови
Текли в карающий барак,
Чтоб ты, блаженно вскинув брови,
Вздыхал, распаренный как рак?

Но не затем ли путь героя
Лежал меж каторжных трясин,
Чтоб в бане с пивом и икрою
Сидел Петров, бедняцкий сын?

В МЕТРО

Отрадою макулатурной
В далёкий край унесена,
Ты там, где Лувра блеск ажурный,
Любовь, коварство и война.

Там что-то замышляет Лига,
Сверкает солнце на клинках...
Слегка подрагивает книга
В твоих забывшихся руках.

Сиди весь день на стуле жёстком
Над канцелярской суетой,
Беги по шумным перекрёсткам,
И в вечной очереди стой.

Стирай... Старей неотвратимо,
Накручивая бигуди,
И красоты, и жизни мимо
К исходу тяжкому иди.

Но здесь забудешь, слава богу,
Одышку грузной нищеты,
Уже не острую тревогу
Невоплотившейся мечты.

Летит во тьме и гроыхает
Вагон московского метро,
А над тобой сейчас витают
Де Гиз,

Анжуйский,

Монсоро.

В глазах мерцает светоч зыбкий,
Далёкой жизни красота,
И удлиняются в улыбке
Твои поблёкшие уста.

В ПАЛАТЕ

Вон оно... Не уклониться.
С этой маленькой больницей
Ты уже знаком:
Тряпки, банки и объедки
И нечистый запах едкий;
Небо за окном.

Сон бы, что ли, взял на время,
Уронил в забвеньё бремя,
Хорошо во сне –
Там ещё забрезжит что-то,
Вспыхнет из-за поворота,
Промелькнёт в окне.

А когда приходят дети,
Ёрзают на табурете,
Торопясь уйти, –
Смотришь, словно издалёка,
Не находишь в слове прока
И вздыхаешь одиноко –
Господи, прости!

...Боль ли памятью пылает,
Потолок ли уплывает –
Полуночный бред;
Над тобой, над жизнью целой,
Над душою омертвелой,
Что ни делай – лампы белой
Тусклый, бледный свет.

КАВКАЗ

Мужали вы там, где парят орлы,
И к жизни гибельных сражений
Вас проповедь вела Кази-Муллы
И Шамиля холодный, хмурый гений.

Когда одни в сплошном кольце солдат
Они обнялись у мечети,
Вам не было уже пути назад,
Аллаха праведные дети.

Но вёл полки имперский барабан
И заглушал мелодию намаза...
Теперь здесь честно выполняют план
По сдаче шерсти, молока и мяса.

Живёт народ. Чего ещё желать?
К чему тоской будить воспоминанья?
Забытую заменит благодать
Подъём широкий благосостоянья.

Но видится, среди обжитых скал,
Общественных столовых и ликбезов,
Как Лермонтов невольный здесь скакал
И шайку вёл своих головорезов.

Иль, с богом и людьми утратив связь,
И мёртвой скукою задеты,
Чтоб сёла жгли и в небо кровь лилась,
Хотите вы, безумные поэты?

Иль красота всего дороже вам
И не страшит жестокость полководца,
И, жизнь живую жертвуя словам,
Неужто сердце вдруг не ужаснётся?

В грядущий век не веря золотой
И в преданности небо убеждая,
Рискуете бессмысленной землёй,
Иное царство утверждая.

НОЧЬЮ

Проснёшься, бывает –
И ветер стучится в окно,
И вдруг наплывает
Минувшее в жизни давно.

Забытые лица
Встают на холодном стекле.
Иль всё это снится,
А ты и не жил на земле?

Сквозь слабые веки,
Сквозь смутную муку в ночи
Ушедший навеки
В пустые жилища стучи.

И без утоленья
Тянись неизбывной виной
Во тьме сожаленья
К непрожитой жизни иной.

* * *

Гуляла с любимой собачкой,
Мечтала о долгой любви...
Дарёной помадою пачкай
Привычные губы свои.

Ломайся в мелодии тряской,
Упрямой мотай головой,
И прячь за бордовой повязкой
Весь в точках изгиб локтевой.

А утром ищи свою руку
В тумане чужих простыней...
Несись по порочному кругу,
Не помня мелькающих дней.

Неужто напрасны усилия
И, ветром гонимы тугим,
Одним – откровенье и крылья,
Порок и паденье другим?

И всё под пятою закона,
В оковах начертанных дней,
И прав был епископ Гиппона
В немислимой мысли своей?

ПУСТЫНЯ

Он удалялся в пустынные места и молился...

От битв минувших здесь, от здесь истлевших хижин
Остался ветер лишь, не знающий дорог;
Немеет здесь язык и человек унижен,
Зато ясней звезда и внятней сердцу бог.

Недаром, замерев и прах земной отбросив,
Зажав песок в горсти, так что она кровит,
Здесь Авраам внимал, здесь вопрошал Иосиф
И пел свои псалмы в изгнании Давид.

Здесь в неурочный час в предчувствии могилы,
Оставив ждать у стен безумных и калек,
Молитвой укреплял скудеющие силы
Один среди песков – не бог, не человек.

* * *

И.А.

Всё волновало: голос, и походка,
И сдержанный её, угрюмый пыл.
Конечно, дурочка, конечно, сумасбродка.
А мне-то что – ведь я её любил!

Мне не забыть полёта этих линий,
Густых волос, спустившихся к ногам...
Недаром вновь, как ветер над пустыней,
Я нёсся к ней – к Азовским берегам.

Но был октябрь... Меня уже не ждали.
И с моря дуло пасмурно и зло.
С холодной пеной волны рокотали,
И по песку какой-то сор несло.

А всё-таки она была такую
И навсегда останется такой:
Под майским ветром, под моей рукою
Немногословной, вздорной, молодой.

* * *

Всё знакомо на этой тропинке лесной,
И свернуть мне уже невозможно.
Что ж деревья так странно шумят надо мной
Высоко и тревожно?

У начала творенья не всё ль решено.
Не тверда ли дорога.
Разве то, что нас ждёт, не минуло давно.
Так о чем же тревога?

Слышно – сосны большие шумят в вышине
От вершины к вершине.
Или это тоскует Отец обо мне
И вздыхает о сыне?

Всё сильнее пробирает высокая дрожь,
Бессловесная мука,
И не хочешь уже – а всё дальше идёшь
На волнение звука.

1986

1995

* * *

Стану их мечтами, стану бестелесным...

И. Бунин

Наклонится ли дерево к пруду,
Льётся дождик иль птицы летят,
Я как будто встречаю повсюду
Твой суровый и пристальный взгляд.

Временами оставленный богом
Ты всех тверже любил и нежней
Эту землю в страдании строгом
В неизбежном прощании с ней.

Потому мне всё ближе и ближе
Твой подчёркнутый ворот прямой
В разорённой Одессе, в Париже,
На чужом побережье зимой.

Тяжело постигать провиденье
Там, где тёмное море шумит,
И широкое недоуменье
Немотой одинокой щемит.

Где уже не тревожат вопросы,
И не борется сердце с тоской,
Только чьи-то далёкие косы
Тихо трогает ветер морской.

СЕРГИЕВ ПОСАД

о. Дмитрию

Повсюду снег на сильном солнце тает,
И литься яркий свет благоволит,
И всё течёт, и каплет, и сверкает,
Как будто март по всей земле разлит.

Спешат ли прихожане спозаранку,
Или к обедне колокол звонит,
Старушка ли несёт домой буханку
И в валенках по тропке семенит,

Проходят ли весёлые монахи
И рясы развевают на ходу,
Или на солнце у сугроба птахи
В весеннюю играют чехарду, –

Отраднo знать сквозь зыбкую усталость,
Что ты уже всему земному друг,
Что всё прошло – одна любовь осталась,
И белый снег, искрящийся вокруг.

* * *

Скучно шахтёру бродить среди пальм и акаций.
Нечем ему, хоть убей, скудное утро занять –
Море ещё не прогрелось, и пусто на пляже,
И до сезона закрыт даже газетный киоск.
Северный ветер, неразговорчивый спутник,
Сопровождает в бедной прогулке его.

Время не хочет идти...
Белые сброшены в море.

Явных и тайных врагов кости лежат в мерзлоте.
Кровью немислимых лет флаг водружен над Берлином.
Чудо-заводы гудят, и вся перепахана степь.
Что же поделатъ ему? Ещё далеко до обеда.
Снова, что ли, идти кольца на доску бросать?

Долго летят и летят в воздухе красные кольца,
Гулко о доску стучат, шлёпаются на асфальт...
Чёрт бы побрал этот год! Эти законы-указы.
Винный в округе запас из магазинов изъят.

Снова понуро бредёт он на оставленный берег,
Долго стоит и глядит, хмуро прищурившись, вдаль...
Северный ветер гуляет по пляжам безлюдным.
Однообразно плеща, Чёрное море шумит.

ЁЖИК

Средь вечереющих дорожек,
Когда сгуститься тьма спешит,
Порой в сторонке глупый ёжик
В траве проворно прошуршит.

На звук живой два шага сделай,
Всмотрись получше – вот и он,
Трепещущий комочек серый,
Застыл, притих, насторожён.

Прости мне, Господи, плутанья
И дни слепые – в этот миг
Благодарю существованье
И не жалею, что возник.

Когда он в иглы брюшко прячет,
Вся жизнь моя, склонясь над ним,
Опять смеётся, любит, плачет
Над смертным всем, над всем живым.

* * *

Когда она выходит из волны,
Сверкая гладкой кожей загорелой,
И все движенья резвы и полны
Девичьей угловатости несмелой,
Нет сил на это существо смотреть!
Ей лет пятнадцать – отвернусь, пожалуй.
И стыдно мне о юности жалеть
И с нежностью тянуться запоздалой...
Я в зыбких днях покуда не погиб
И до забав сомнительных не падох.
Но сдержанный бедра её изгиб!
Но золотой пушок между лопаток!
Хочу мотнуть постылой головой
И, всё забыв, в плену свободы краткой
Плескаться с ней в волне береговой,
И хохотать, и целовать украдкой!

* * *

Уже цветёт сирень,
И пробует жасмин;
Настанет новый день,
Я буду не один.

Когда проходит дождь,
И оживает сад,
Такая в сердце дрожь,
Как много лет назад.

А вечерами мгла
Твоей руки нежней,
И память умерла
Во имя новых дней.

* * *

Полвека пронеслось, как будто ветер дунул,
Хоть долго прозябал в тени и не у дел,
Он многое видал и многое придумал,
Заметно приуныл, изрядно поседел.

Но если ты нальёшь и если он в ударе,
Расскажет, чуть кивнув, чтоб ты полней налил,
Как раз с Брижит Бардо кутили в южном баре
Амашукели, он и Кант Иммануил.

В гостиной у вдовы он в сумку прячет книги
И тут же говорит ей ряд весомых слов,
Он сам двадцатый век в смешении религий,
В нагроможденье фраз и в шаткости основ.

В различных городах его взрослеют дети.
Всех юбиляров друг и зритель всех премьер,
Он всё своё возьмёт, ликуя на банкете
«Пятнадцать лет кино Калмыцкой ССР».

Так выживали мы и сердцем коченели,
Так старились легко, но знаю я один,
Какая там тоска томится в тучном теле,
Какой российский сон и европейский сплин.

Ведь как ты ни бодрись и совесть не баюкай,
Уж сумерки ползут и застыт твой Олимп,
И только ямб горит над мерзостью и скукой,
Над бедной головой, как мученика нимб.

САВРАСОВ

Ты снова замкнулся и запил;
И зимним расхристанным днём
В какой-то замызганной шляпе
Бредёшь, забыв обо всём.

Ты бросил любимое дело;
И, чувствуя мерзкую дрожь,
Постылое, грузное тело
В глухом отчужденье несёшь.

Всё суше глядят кредиторы,
Косясь на твои рукава,
В сияющем нимбе позора
Седая плывёт голова.

Шатаясь в последней метели,
Мычи и бреди наугад...
Они ещё не прилетели,
Они ещё только летят.

* * *

Знаю, что приеду в этот город,
Если стану стариком.
С поезда сойду – и к горлу ком,
Расстегну постылый ворот...
От гостиницы пойду пешком,
А потом по набережной дальше,
Ноющею памятью влеком.

Пусть с Азова ветер донесёт
Всё, что в нём когда-то растворилось.
Знаю – ничего уж не спасёт,
Что-то надломилось,
Только пусть он всё же донесёт...

А к тебе, прости, не постучу.
Как со старой встречу я с тобой?
Просто постою и помолчу,
Слушая прибой.

Мы не исключенье у земли, –
Понимаешь всё, а тяжело;
Вот и мы здесь были и прошли,
И всё наше было и прошло.

* * *

На исходе дня
Смерти вопреки
Прямо у огня
Вьются мотыльки.

Несколько минут
(скоро их черёд)
В воздухе ведут
Зыбкий хоровод.

В темноту летят
Искры от костра...
Сокрушайся, брат.
И кружись, сестра.

ДУМА

Вы долго махали руками,
Вы спорили всё горячей,
Но те, кто стоял за станками,
Не слышали ваших речей.

Вы долго, витийствуя, грызли
Свою октябристскую кость,
Мешая высокие мысли
И мелкую зависть и злость.

Жужжала под сводами фраза
Пчелой обличения зла,
Меж тем как лихая зараза
Уже по задворкам ползла.

Не вспыхнула истина в споре,
И правда поникла в борьбе,
И плещет мне Чёрное море
О каждой и общей судьбе.

Различные ваши идеи
В тома диссертаций вошли,
Российские ваши Вандей
Колхозным былём поросли.

СТАРУХА

Всё вижу я камень шершавый,
Народ за резными дверьми,
Столицу Сельджукской державы,
Мечеть и гробницу Руми.

Там смутно глядит на прохожих
Охапка тряпья у ворот,
И тленьем от сморщенной кожи
Заране как будто несёт.

Всё в мире исполнило тело,
Любило и мучилось в срок,
Но высохло и оскудело
И пылью покрылось дорог.

Глаза опустила, зевает..
И стройный поёт минарет
О том, что лишь дух воспаряет
Над мутным течением лет.

Совсем умирает старуха.
И я умираю вдали,
Тоскую и кашляю глухо,
Скучая в последней пыли.

НАЧДИВ

Завершается повесть торжественных лет,
Размывается почва привычных дорог,
Где в обнимку застыли к скелету скелет
Те, кто шёл по пути и кто шёл поперёк.

Так проходят державы, своё отблостав,
Умолкают трибуны, народ возбудив,
И забудется втоптаный в пол комсостав,
Только ты будешь мчаться, уральский начдив.

Пусть в грядущих веках отскрежешут бои,
Чью-то память далёкой волной всколыхнёт,
Как, широкие крылья раскинув свои,
Устремляется конница в вечный полёт.

Пусть к надменно мерцающим дальним мирам
Путь направит в безумии звёздный штурвал,
И развеется боль, и разгладится шрам,
И забудется, кто и за что воевал.

Но недрогнувший Гектор на гибель пройдёт,
Андромаха застонет от смертной тоски;
Захлебнётся горячим свинцом пулемёт,
И счастливая Анка обхватит виски!

ГАМЛЕТ

Сомненья каменная тень
Оставлена тебе в наследство;
Встаёт туманный, зимний день,
И смута зыблет королевство.

Безумные куют мечи.
Разумные уносят ноги.
А ты на башне бормочи
В забвенье странном монологи.

Среди друзей, среди врагов
Броди, замкнувшись, одиноко
И верь, что повести веков –
Лишь пыль на обуви пророка.

Но знаешь – есть один исход,
И жизнь прорежется судьбою,
Когда убийца занесёт
Клинок тяжёлый над тобою.

Всю жизнь смотря из-за кулис,
Решишься ты на подвиг славный,
Средь прочих действующих лиц
Участник драмы полноправный.

* * *

Лучшее, что видел в этом мире –
Девочку, несущую щенка.

* * *

Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной:
Задышало в лицо, потянуло весной,
Снова влажному ветру тревожно кружить...
Так не хочется жить и так хочется жить!

Ты не так ли стоял под священной горой,
И в ветвях изнывал зимний ветер сырой?
И у Сены бессонной тревожная тень
Проклинала не так ли начавшийся день?

Так под шелест бульваров, и шум камыша
Одиноко поёт на просторе душа,
И бормочет Бодлер, и вздыхает Басё,
И не знает никто, для чего это всё.

УТРОМ

Осторожный, худой и небритый
С голубыми пустыми глазами
Ранним утром бутылки на пляже
Собирает в мешок вещево́й.

Здесь вольготно! Здесь тёплые ночи –
И не знаешь забот о ночлеге,
Алычи и шелковицы вдоволь,
И на пляже бутылок пустых.

Рядом, птицы небесные, чайки
По камням ковыляют вразвалку,
Подбирают остатки съестного
И кричат в предрассветную рань.

Вот кого примечает всевышний,
Вот кому он дарит милосердно
Мир просторный, пустой и высокий,
День недолгий у райских ворот.

КОМАР

Из каких – пискляв и мелок –
Занесло тебя миров,
Бич зелёных посиделок,
Отравитель вечеров.

Не расслабиться у пруда,
Не задуматься в лесу –
Всюду голос твой, зануда
С тонким жалом на весу.

На ночь форточку закроешь –
Нестерпима духота,
А измучишься – откроешь –
Снова ноет темнота.

Включишь свет – исчез негодник,
А погасишь – милуй бог, –
Как настойчивый охотник,
Дует в свой несносный рог.

О, каким нездешним мукам
Обрекаешь ты людей,
Уязвляя острым звуком,
Неотвязчивый злодей!

Встал – ногой ударил об пол,
Взял – зверя – «Огонёк»,
Всех как будто перехлопал –
В красных точках потолок.

Но во тьме тревожной снова
Приближается, кружа, –
Как предвестие Иова
Против неба мятежа.

Ну, а ты не богоборствуй,
А скучай и пой во мгле,
Постоянству и упорству
Мой учитель на земле.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Ничем меня толстушка не прельстит,
Она, обуза в длительном полёте,
В постели и потеет, и пыхтит,
И тяготит обильем тяжкой плоти.

Но это чудо с резвой худобой,
Изяществом и гибким, и игривым,
Когда овал, когда изгиб любой
Упруг и гладок под твоим порывом.

Когда она с полуоткрытым ртом
Напряжена и всё-таки воздушна;
Как под грозой раскрывшийся бутон,
Твоим внезапным прихотям послушна.

Нет, только с ней, ликуя глубоко,
Ты воплотишь сполна воображенье,
Сплетаясь и свободно, и легко
И на ходу меняя положенья.

Лишь с ней, к причалу жаждою движим,
К нему гребешь сильнее и сильнее,
Пока с последним стоном затяжным
Не изойдешь восторгом вместе с нею!

Всё здесь дремлет – и разум, и совесть,
Всё здесь в перхоти скуки седой,
И торговцы, к открытию готовясь,
Поливают у лавок водой.

Но всплывёт из тумана фелука,
Ветер юности тронет рассвет,
И пронзит мое сердце разлука
Через сотни и тысячи лет.

Тихо тунику ветер колышет,
Синь такая, что больно взглянуть,
Ожиданьем и радостью дышит
В благовониях лёгкая грудь.

Ты смотрела на волны, ты знала,
Как я жду и тоскую века,
Как призывно над гладью канала,
Ускользя, плывут облака.

Ранним утром в летящей триере
Воздух полною грудью вдохни,
Золотою отвагою меряй
Молодые, просторные дни!

Так у лавочки турка-урода,
Утопая в курортной пыли,
Всё мерещится жизнь и свобода
В ионической нежной дали.

ТАДЖИК

Михаилу Синельникову

В затрапезном халате в пронзающий холод
Потерялся в толпе одинокий таджик;
Что тебя занесло в этот мчащийся город,
Коченеющий, смуглый старик.

Тюбетейка неловко сидит на макушке,
Под заплечным мешком онемела спина.
Где твоя Исфара у прозрачной речушки?
В разомлевшей тени где твоя чайхана?

Спотыкаясь в истоптанной обуви жалкой,
По столице, посыпанной солью, бредёт
И беспомощно тычет дорожную палкой
В ускользящий лёд.

КАЛЬВИН

Ещё вчера лежащий в прахе
Воспрял сегодня и дерзит;
Спросонья изживает страхи
И в спину кулаком грозит.

Но ветер праведного гнева
Разбудит хаос в свой черёд, –
Ещё униженно Женева
Тебя обратно позовёт.

И в каждый дом войдя без стука,
Как прежде, станет обучать
Твоя бескровная наука,
Беспрекословная печать.

И разжиреет соглядатай,
И сдастся городской совет;
И вскрикнет, пламенем объятый,
На людной площади Сервет.

Ну, что поделаешь с народом –
Всё что-то ищет наугад,
Хотя меж хаосом и гнётом
Увы, но выбор небогат.

* * *

Вначале с урками братались.
Этапы знали и тюрьму.
На людных сборищах топтались,
С наганом прыгали во тьму.

Бросали бомбы, брали банки,
Взбирались на броневики;
Передрались потом, как в банке
Взъерошенные пауки.

Декретом упразднили бога,
Намяли скептикам бока,
Угомонились понемногу
Под властью суперпаука.

Недавно вылезли из банки,
По теплым щелям расползлись;
Уже без шума взяли банки,
И снова с урками сошлись.

ГАЛАПАГОСЫ

Хотел бы жить я на Галапагосах,
В безлюдной и счастливой стороне,
Валяться беззаботно на откосах,
Резвиться в набегающей волне.

Ползти тяжёлым телом к океану,
Где между ласт заплещется вода,
Таскать за хвост морскую игуану –
Играть, не причиняя ей вреда.

Блаженны звери и блаженны птицы,
Сумевшие запретный плод презреть.
Как хорошо без помощи родиться,
Свободно жить и просто умереть!

* * *

Лепечет мне таинственную сагу...
М. Лермонтов

Когда «вовчики» выкурят «юрчиков»
И в ущелье защёлкнут капкан,
На закуску нарежут огурчиков
И осушат победный стакан.

Когда «юрчики» выкурят «вовчиков»
Ради чистого сада вдали,
Не позволят в строю разговорчиков
Над обугленным мясом земли.

Мне б собраться с последними силами,
Уползти от людского жилья,
Над селеньями и над могилами
Напоследок прилечь у ручья.

Пусть журчит эта сага студёная,
Убегая, блестя меж камней
О сверкающей сабле Будённого,
О погубленной жизни моей.

ТЯСОГУЗКА

Так остро пахнет скошенной травой,
И всё слышней на ветках переключка,
А на тропинке попрыгунья птичка
Трясёт хвостом и вертит головой.

Веди меня, весёлый проводник!
Отраде жизни обучай пернатой.
В июньский вечер, упоённый мятой,
Какой-то свет неведомый проник.

И смутных дней никак я не пойму –
Господь так много радости отмерил
Тем, кто в него простой душой поверил,
Внимая ей – и вопреки всему.

АПРЕЛЬ

О, как блестят, волнуя, ледяные
И рыхлый снег, и талая вода;
Вздохну весной, припомню дни иные,
Пойду, пойду неведомо куда.

Какой-то луч из жизни отдалённой
Пробьётся и на луже задрожит;
И только ветра пыл неуголённый
В сухих ветвях над слякотью свистит.

Живи вдали. Уже написан Лужин.
И не казись – мне в меру тяжело.
Я лишь плыву корабликом по лужам
Туда, где всё случилось и прошло.

Что в этом солнцем городе залитом
Уже без сил ещё бродить влечёт
И, щурясь, соглашаться с Гераклитом:
Всё на земле – и тает, и течёт.

1996

2011

* * *

И, когда рассеялся туман
Ломки, отшумевшей бестолково,
В джипе обозначился пахан
И к лоткам пробившееся слово.

Выборных участков решето,
Школы звездочётов и гадалок
И – широкий выбор из авто –
Зябнущих в ночи провинциалок.

Ничего уже не разделить
Нашему пристрастию в угоду:
Всё, что есть – имеет право быть,
Если демос празднует свободу.

Но увидим – лишь повремени –
За неблагодарною работой
Угольные очи Хомейни,
Потный лоб упрямого Пол Пота.

* * *

Он проходит походкой упругой
Из салона в Каретном ряду
К мерседесу с надменной подругой,
Что-то в трубку рыча на ходу.

И подруга, глаза свои сузив,
Обращает к нему макияж...
Бедный мальчик в рабочем картузе,
Заглядевшийся на экипаж!

Там её, укрывая крылаткой,
Увозил фатоватый корнет...
Взял своё он заждавшейся хваткой
Через семьдесят загнанных лет.

Стал он всем вопреки лихолетью,
Как и пелось – но только сейчас,
Совершив революцию третью
Без лузги утопических фраз.

Круто он по Москве проезжает,
И теперь уже парень иной
Долгим взглядом его провожает,
Возвращаясь со смены домой.

* * *

Был стройный мир и прочен, и велик,
И в нём стезя прямая нас хранила,
Когда блистал суворовский парик
У неприступных башен Измаила.

Когда своим на славу крепостям
Мы век земной осмысленно трудились,
И плотно кости к дедовским костям
В единую мозаику ложились.

Когда служили доблесть и закон
Опорой духу и подспорьем вере,
Когда стоял державный бастион
В степи вселенной – и смягчал потери.

Но вот размыт спасительный оплот,
И хартии разорвана страница;
И зыбкий мир за окнами течёт,
И нечем нам от бездны заслониться.

ЗАМЕРЗАЮЩИЙ БОМЖ

Где я кружился?
Куда я бежал?
Вот я сложился,
Как в маме лежал.

В чёрную стужу
Богу шепчу:
«Больше наружу
Я не хочу.

Мучить негоже
На рубеже,
Господи, Боже,
Вот я уже».

ЛИДА

Чуть полновата и широкоскула
На побережье всем была чужой...
Как улыбнулась и рукой взмахнула,
Когда отчалил катер небольшой!

По цвету глаз ты блузку надевала
И подводила неумело бровь,
Но и по вечерам не волновала
Парней вином разогнанную кровь.

Скажите мне – зачем, безмолвно воя,
В последний день, по выжженным камням
Я нёс за ней пакет с морской травой
И старомодный этот чемодан.

И больше всех легенд и всех пророчеств
Был этот миг – прощания в порту,
И двух необозримых одиночеств
Покачивало море немоту.

Жизнь проживёт, и где-то в землю ляжет;
И дням моим незрячим вопреки
Меня от ада, может быть, отмажет
Прощальным взмахом маленькой руки.

Но я заметил – лишь её отправил
В объятия морского ветерка,
Как на причале что-то шепчет Павел,
И тихо улыбается Лука.

ПАВЕЛ

о. Валентину Дронову

В ту ночь его бессонница томила,
Он вышел рано, поднятый тоской,
И в сумерках предутреннего мира,
Поёжившись, пошёл на шум морской.

Он продвигался в йодистом тумане
И влагу ощущал на бороде,
И, как редело утро над волнами,
Светлело в нём – он подошёл к воде.

Как он любил у моря час восхода,
Когда вдали без края и конца
Сливаются смиренность и свобода
В проникновенной близости Творца.

И все заботы о церквях и братьях,
И проповедь незрячим о Христе
Теряются в его больших объятьях,
В его неизречимой простоте.

...Неспешно тучный поднимался в гору,
В раздумии качая головой,
За ним – уже невидимое взору –
Блестело море зыбкой синевой.

Он миновал обратную дорогу
И оглядел рассеянно жильё;
Позвал друзей и помолился богу,
И начал в Рим послание своё.

* * *

М.Х.

Что толку в яхтах и копилках,
Когда сдаётся реквизит,
Ещё на дальних пересылках
Нас резкий ветер просквозит.

Ещё вчера судьба ласкала,
И золотой фонтан плескал,
А завтра – хмурые буркалы,
Колючий лагерный оскал.

Как знать – дотянешь до звоночка
С печалью иудейских глаз
Или холодная заточка
Привычный выполнит заказ.

Мы все покорно тянем сроки
В сетях спасительных забот,
Слепые носят нас потоки,
Покуда время не пробьёт.

С неотвратимостью железной
Затянет мощная струя;
И, как планктон – у пасти бездны
Мы вьёмся в волнах бытия.

* * *

Нелюбая, любимая земля...

К. Симонов «Поручик»

Как живётся, крошечка?

Видно, нелегко.

«Курочка, картошечка,

Водочка, пивко...»

Постоит, уносится

Поезд в темноту,

И разноголосица

Смолкнет на посту.

До иного скорого

Хмурого в ночи,

Дяди, у которого

Кончились харчи.

Юркие, усталые

Стайки матерей

Вьются за составами,

Кличут у дверей.

«Курочка, картошечка,
Водочка, пивко...»
Подожди немножечко.
Станет всем легко.

ЖАРА

Настойчивой томит голубизною
Небесный свод, и всё сильней печёт;
И время, обмелевшее от зноя,
Ленивее, медлительней течёт.

За трапезой вальяжные узбеки,
Степенно разместившись на полу,
От наслажденья прикрывая веки,
К сухим губам подносят пиалу.

Привычно им в полуденной истоме
Беседовать неспешно на ковре,
Всё на местах – жена и деньги в доме,
Аллах на небе, дети во дворе.

Кружатся мухи над зелёным чаем,
В пустых тарелках высыхает жир;
Привычный зной тягуч и нескончаем,
И под высоким солнцем прочен мир.

* * *

Причитала стройная в тетрадках
Тихим ветром, веющим в стихах,
Всё о перепутанных перчатках,
Хлыстиках, каретах, облаках.

О смиреньи ласковом в разлуке,
О приливах воли мировой;
И лились размеренные звуки
В воздухе поры предгрозовой.

Но Нева туманилась свинцово,
Уводили сына в крестный путь,
Чтоб «упало каменное слово»
На её «еще живую грудь».

Чтобы муке каменной – не Осип,
Не Борис – а всё-таки она,
Бабий стон на хмурый ветер бросив,
Начертала века письма.

НОВОРЯЗАНСКАЯ

Тане

Может быть, позабудется скоро,
И теперь не припомню уже
Там поблизости клуб или школа...
Но окно на втором этаже!

Но устойчивый лестничный запах
На площадке, где полутемно;
Пара стоптанных войлочных тапок
И телячьего счастья тепло.

Поздним вечером в зимнюю слякоть
Под окошком вздохни о судьбе,
Только сердце в потёмках царапать –
Вот и всё, что осталось тебе.

...Там опять у подъезда Степаныч
Собирает друзей на троих...

И приходят троллейбусы на ночь
Отдыхать от маршрутов своих.

КОРТАНЕТЫ

Юрию Лохвицкому

Стол деревянный под навесом,
речивых тостов череда,
и между пиршеством и лесом
спешит прозрачная вода.

На блюде лобио зелёный,
левой – близнец его – шпинат;
и ачмы пухлой пыл слоёный,
и проперчённый маринад.

Душистой коркой загубели
индейки сочные бока,
к ним грациозный сацибели
добавит запах чеснока.

Сыр золотистый в хачапури
чуть вяжет зубы и язык;
с налипшей гарью – на шампуре
слегка обугленный шашлык.

...Всё реже тосты поднимали,
всё чаще пили без затей;
в тарелках – тина из ткемали,
засохшая среди костей.

Гортанная воркует фраза,
но всё бессвязней разговор;
однообразный голос саза
и склоны меркнувшие гор.

ГОМЕР

Настраивая лиру у прибора,
Аэд струны касается тугой,
И вот уже – изнемогает Троя,
И бедный Гектор принимает бой.

Когда же пыль взовьёт за колесницей
Влачащееся тело мертвеца,
Восторг и ужас озаряют лица
Перед высокой дерзостью певца.

Как этот грубый панцирь черепахи
И эти струны из овечьих жил
Оцепенеть их заставляют в страхе,
И вместе плакать у чужих могил?

...Сливаясь с ночью, море тихо плещет,
Как в чёрном хор бесстрастный и глухой;
И жаль тебе, что странник этот вещий
Умолкнет за подземною рекой.

Ещё не скоро по глазницам впалым
Дрожь пробежит – и, дерзостный старик,
В заветный час вздохнёшь перед началом
И под рукой нащупаешь тростник.

МАЛЕЕВКА

Когда у далёких и зыбких развалин
Ищу уцелевший в тоске островок,
Светло и мучительно я благодарен
За чистый на узких дорожках снежок.

За все в бильярдной игроцкие шутки,
Дешёвый портвейн и дуплет от борта;
И лёгких студенток короткие шубки
И радость, и робость, и пар изо рта.

За то, что похмельный, с больными глазами,
Томясь маятой и бессилем веков,
В потёртой фуфайке в пустом кинозале
На гордом рояле играл Росляков.

За лёгкость скольженья на лыжах казённых,
И чувство: прибавить чуть-чуть – и взлетишь,
За ветер свистящий в полях занесённых
И звёздных прогулок хрустящую тишь.

Такие в сугробах застывшие липы
Я в будущей жизни уже не найду
И эти навстречу спешащие скрипы
По мягкому снегу, по чуткому льду.

* * *

Бывает жизни жаль немного:
Уже свободная река
Бежит – и всё острее тревога,
Быстрее и ближе облака.

Когда над ярким парашютом
Стоишь с открытой головой,
И обдаёт летящим светом
Студёный ветер над Невой.

И по искрящимся кварталам
Под беспощадною весной
Бежишь с прозреньем запоздалым
О жизни свежей и сквозной.

Пока твоя необратимо
Бессильно тает вдалеке
Последней серой, грузной льдиной
На обновившейся реке.

ПЕСОК

Здесь раскалённый добела
Тяжёлый зной плывёт,
Как будто жаром от котла
Из ада обдаёт.

В седле изнемогает плоть,
Стекает пот в глаза;
На чреве – как сказал Господь –
В песке ползёт гюрза.

Никто участливой рукой
Не скрасит смертный час,
И не слеза – песок сухой
Блеснёт у мёртвых глаз.

И побратается с песком
Сожжённый солнцем прах,
И прошуршит невесть о ком
Песком

С песком

В песках.

* * *

Проснуться в детдоме районном,
И сразу в сознание всплывут
Слова в уголке потаённом
«Сегодня за мною придут».

В унылом приёмном покое
Уже от палат вдалеке
Заждавшейся мокрой щекою
Прижаться к шершавой щеке.

Детдомовской жёлтой дорожкой
И дальше... идти без конца,
Касаясь счастливой ладошкой
Широкой ладони отца.

БАСЁ

Ветер плечи твои согнул,
Истрепал соломенный плащ;
Под его сиротливый гул
Слушай цапли осенний плач.

Говорил о судьбе монах
У теченья большой реки;
И качаются на волнах
Облетевшие лепестки.

До селенья двенадцать ри,
Там заждалась тебя родня;
На холодной заре замри
Перед белым простором дня.

Незаметно промчался век,
И слились впечатленья лет;
И заносит летящий снег
На снегу одинокий след.

ЛЮК

Прощай, мой добрый, старый Люк!
Недолго нам гулять на свете,
Моих свиданий и разлук
Неразговорчивый свидетель.

Гудит приморский городок,
Валютой набухая твёрдой,
А ты, как прежде, одинок
С огромной и печальной мордой.

Лежишь от гульбища вдали,
Упрятав в тень от солнца темя,
И чуешь близко от земли,
Как ровно протекает время.

Лишь ты, философ и поэт,
Глубок, спокоен и свободен,
Вздыхнёшь со мной на склоне лет
О том, как скоро мы проходим.

МОНАХ

Илье Смирнову

Солнца назойлив диск,
Спины черны людей,
Чавкай в грязи – трудись,
Скоро сезон дождей.

В пряный и влажный зной
Выйдет просить в домах
Высохший и прямой
В жёлтом плаще монах.

Сгорбился в поле труд
В полчищах мошкары;
Снова его гнетут
Тягостные миры.

Сколько бы ни пришлось
Странствовать без конца,
Он их пройдёт насквозь,
Не расплескав лица.

Там, где небесный лёд
Высится над плато,
Нежно его зовёт
Царственное ничто.

Он соберёт еду,
В сонный вернётся храм;
Скоро и я уйду
Странствовать по мирам.

СНЕЖИНКИ

Последние листья ложатся
В бессмертную слякоть земли,
И скоро уже закружатся
Под небом родные мои.

Тогда перехватит дыханье,
И ветер на время замрёт,
И мир осенит их порханье,
Их лёгкий, безвольный полёт.

Рассеянным, медленным роем
Витают они надо мной
И будто небесным покоем
Касаются муки земной.

Как будто рукою прохладной
Коснулись горячего лба,
И в этой мелодии плавной
Теряются жизнь и судьба.

КОЗЛОВСКИЙ

Я встретил вас...

Уже последняя дремота
Безволит дряхлые виски,
А он из сердца тянет что-то,
Привстав над миром на носки.

На сцене седенький и ветхий
Дрожит слабеющей струной,
Тоскуя ввысь, как птица в клетке
О прежней свежести лесной.

В пережитое тянет руки
И в звук перетекает весь
О том, как тяжело в разлуке
Со всем, что отзвучало здесь.

ИНДИЯ

Не в келье терпеливого монаха,
Где чуткостью молитвы и поста
Он гонит тень сомнения и страха
И к милосердью тянется Христа.

Не под крылом великого корана,
Ведущим в рай среди земных трясин,
Где в сизой мгле рассветного тумана
Нам утро возвещает муэдзин.

Но там, где сами утомлённым духом
Тропу спасенья в зарослях торят,
Где никогда земля не будет пухом
В цепи перерождений и утрат.

Где вверх под флейту смуглого бродяги,
Качаясь, изгибается змея;
Воистину, нигде не видел я
Такой могучей, иступлённой тяги
Из гибельного круга бытия.

Не здесь ли в день паденья рокового,
Изгнанникам даря прощальный свет,
Сам Вседержитель нежно и сурово
Бесплотных губ своих оставил след.

БЕСЛАН

Трупы неопознанные в морге,
Замер ошарашенный Беслан...
Долго бредил Абелем и Зорге
Неприметный этот мальчуган.

Всё ему погоня ночью снилась:
Он уходит, путая следы...
Наконец – мечта осуществилась,
Влился он в суровые ряды.

Так бы и склонялся над шифровкой,
На гражданке новых ждал погон,
Но воиспасенье своры ловкой
Был над всей Россией вознесён.

Биться над бюджетным дефицитом
Тошно презирающему страх,
То ли дело – жажнуть по бандитам
Залпом нескончаемым в горах.

И наденут парни гимнастёрки,
И пойдут палить и падать вновь;
И притихнут тройки и шестёрки
Перед паханом, пустившим кровь.

Позади отходы запасные,
Впереди прослушка и резня...
Мы – его радисты и связные
На незримой линии огня.

ВАЛЬС

Воздушно, наивно и кротко.
Как счастья девичьего всхлип,
Когда показалась пролётка
Вдали зеленеющих лип.

Беспечно, прозрачно, далёко...
Как облако в чистом пруду.
Как пряди над строчками Блока
В каком-нибудь зыбком саду.

Я слышу – шуршат по паркету
В счастливом порыве шелка;
Последнее мирное лето
Флиртует и шутит пока.

Как будто сквозь горечь опалы,
Сквозь хаос и дым мятежа
Последние, лёгкие пары
Ко мне долетают, кружа.

* * *

Виктору Гольшеву

Так медлит снег, хотя пора настала.
Так беркут набирает высоту.
Так мчатся мимо станции составы,
Тревожно громокая на мосту.

Так дух свободный формы сторонится.
Так ветер моря в сети не поймать.
Так замирает белая страница
В сомненье слово первое узнать.

Так победитель Ганнибал при Каннах,
Глядит в огонь, неведомым томим;
И поутру среди холмов туманных
Встаёт к войскам – и не идёт на Рим.

Так, может, сам Господь всего вначале,
Создать решивший земли и моря,
Чего-то ждал в возвышенной печали
И медлил всё – и, кажется, не зря.

* * *

Как я любил сугробы эти,
Покой застывших берегов,
Скрип на дорожке в лунном свете
Сосредоточенных шагов.

Чего ещё просить у Бога,
Когда блажен и одинок:
Простая, белая дорога
И чистый, звёздный холодок.

Помедли на мосту у пруда,
Под ясной бездною замри:
Перенесись ко мне оттуда,
Меня по крохам собери.

От этой жизни мутно-серой,
Упрямой спячки и стыда
К истокам мужества и веры
Веди меня через года.

Как Моисей к огням Синая
В песках сомнений и невзгод,
Высокий посох поднимая,
Вёл маловерный свой народ.

* * *

И ревьёт, и лижет вол
Рваную ноздрю,
Твёрдо я его привёл
Прямо к алтарю.

Этот вол не знал ярма,
В стойле тосковал,
И отборные корма
Царственно жевал.

Крепко я к нему привык
На полях густых,
И немой его язык,
Может быть, постиг.

Посмотри – как он тяжёл:
Тучен и высок;
Кровь взовьётся под ножом
И уйдёт в песок.

Нам не нужен в белом жрец,
Флейты и цветы,
Просто жизни под конец
Жертву принял ты.

* * *

Как я счастлив на этой неделе!
Небывалый простор впереди.
Незаметно леса облетели,
Но последние медлят дожди.

Хорошо быть простым и покорным:
Видеть небо и дни не считать,
И за делом пустым и упорным
Уходящую жизнь коротать.

Отпустили на волю желанья,
Угрызения ветер унёс,
И сквозит синева расставанья
В отворившихся ветках берёз.

Словно где-то вблизи полустанка
Над покоем взрыхлённой земли
На безлюдье играет шарманка
И глядит, как летят журавли.

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

Опять, опять перевернись.
Уже который час не спится.
Метель метёт. Уходит жизнь.
Встают и исчезают лица.

У ночи очертаний нет.
И не садятся самолёты.
И слился хор далёких лет,
В усердьи детском глядя в ноты.

В одном усилье тянут все
Самозабвенно и негромко,
Или на взлётной полосе
Свистит и стелется позёмка.

И вьюга бьётся о стекло,
Как страсть бессильная в разлуке,
А сердце словно затекло
От неподвижности и скуки.

До рейса так и доживём
В полутревоге, полудрёме,
Ворочаясь в краю чужом
И на чужом аэродроме.

КОМАНДИРОВКА

Ни жизни гимн в весеннем парке,
В сирени последождевой,
Ни упоенный ветром, яркий,
Упругий сёрфинг над волной.

Ни снег, искрящийся просторно
Вокруг ликующей лыжни,
Ни брызги утром речки горной
Уже сквозь годы не видны.

Одна стоит, не оседая,
Уже бессмертная почти,
Степей киргизских пыль сухая,
Как поступь дней в конце пути.

Равнины выцветшей, убогой
Сухая в трещинах тоска,
И клубы пыли над дорогой
За маятой грузовика.

ВОСТОК

Где томится веками
Раскалённый Восток,
Только солнце и камень,
Только мёртвый песок.

Как мольба без ответа
Из тоски мировой,
С высоты минарета
Изнывающий вой.

И дыханье пустыни,
Как изгнанья печать,
Чтоб забыть о гордыне
И по раю скучать.

МАЛЕЕВКА

Забыть обо всём, и сбежать бы
От белых колонн на крыльце
По твёрдым ступеням усадьбы,
И спрыгнуть у клумбы в конце.

Вдоль сада и мимо беседки
В кроссовках легко пронестись;
Лететь и отбрасывать ветки,
Ликуя, стремительно, вниз,
Где к пруду тропинка крутая
Вся в зарослях – жизни полна –
Где ждет на воде золотая,
В привязанной лодке она.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ХРАМ

Здесь только серый камень голый,
Суровый свод из грубых плит,
И воздух затхлый и тяжёлый
Угрюмой сыростью томит.

Ни для моления святыни,
Ни мук усталых на кресте –
Один алтарь посередине
Застыл в могучей пустоте.

Потомки Ромула и Рема,
Вы правы – путь столетий прост,
Ночное небо смотрит немо
Бесмысленным мерцаньем звёзд.

И лишь окраинный народец
Сквозь россыпь щедрую светил,
В бездонный заглянув колодец,
Участья ветер ощутил.

Средь звёзд узрел мечтатель пылкий
Какой-то знак, какой-то жест;
И на дороге у развилки
Поставил свой тревожный крест.

* * *

Т.С.

Кто эта грузная старуха
В тяжёлой шубе, под зонтом
Ступает, щурясь близоруко,
С усталым и безвольным ртом?

Потом с одышкой к аптеке
На три ступени поднялась,
И еле-еле держит веки
Над пеленой потухших глаз.

Позвольте... Господи! Не та ли
Дворянка, серна, егоза,
Чьи словно дротики метали
Продолговатые глаза.

Чья грудь высокая вздымалась,
И полный зал рукоплескал,
Когда, сияя, поднималась
Она на сцену синих Канн.

Ах, только бы не отказала
Принять дыханье белых роз
В объятья майского вокзала
В смешенье радости и слёз.

Ступай... Иди туда, Татьяна,
Гори спасительным огнём,
Неувядающая рана
На сердце стынущем моём.

МЕТЕЛЬ

Бесшабашная, дикая сила,
Шумный гость из далёких широт,
Наконец-то метель закружила,
И по всем закоулкам метёт.

Мне безумие снежное ближе,
Чем скучающий дождик смурной,
Надоело в исхоженной жиже
Чертыхаться и чавкать зимой.

Я люблю этот посвист широкий,
Как в степи пугачёвский набег;
Пусть слепит, и царапает щёки,
Бьёт в лицо нескончаемый снег.

Но, когда, горячась, сатанея,
Я иду на неё всё быстреей,
Приближение бездны яснее,
Ощущение жизни остреей.

* * *

В.Л.

Как ты ворочалась в постели,
Как ты ласкала, не любя;
Я не встречал нигде пустее
И равнодушнее тебя.

Но, как сбегала ты нагая
В шумящую прибором мглу,
Как лука тетива тугая,
Пустить готовая стрелу.

Зверёк, попутчица, актриса...
Но побежал бы за тобой,
Когда во славу Диониса
Звучат кимвалы и гобой.

Чтоб в дикой роще у залива
Среди обветренных олив
Настигнуть в ярости счастливой,
Легко на землю повалив.

Нет сердца в глубине соцветий,
Их веселит гуденье пчёл,
Одна пыльца – их добродетель,
И бог – изменчивый Эол.

МОЦАРТ

Когда под вечер нас тоска берёт,
Когда пространство скука отравила,
Мы все вкушаем от твоих щедрот,
От шалости и трепета клавира.

Ты знаешь, Моцарт, что такое рай,
Как недалёк его прощальный шелест,
Так пальцами резвей перебирай
И рассыпай утраченную прелесть.

Пускай в пути проветрится печаль,
Пусть будет ей воздушно и просторно;
И женщинам восторги расточай
Томительными вздохами валторны.

И снова клавиш бликами скользи
По виноградным листьям, по сугробам...
Скрипят колёса, хлюпая в грязи.
И зимний дождь один идёт за гробом.

* * *

Над биржами Лондона хмуро.
В тумане заводы чадят.
И только герольды Артура
О дальних турнирах твердят.

Где в небо взметаются трубы,
И в ложах по первым рядам
Тревожно шевелятся губы
Воздушных и преданных дам.

Где доблестью в латах сверкают
И клятвы дают небесам;
А в небе драконы летают,
И тролли бредут по лесам.

ГАРМОНЬ

Словно ищет в потёмках кого-то...

М. Исаковский

На нетвёрдом краю табурета,
В суматохе столичных забот
«Снова замерло всё до рассвета...» –
Старичок в гимнастёрке поёт.

Всё никак он не в силах проститься
С тёплым шелестом летней земли,
Лёгкой девушкой в платье из ситца,
Потерявшейся где-то вдали.

Там, где будит прохладные росы
Наступающий посвист косы...
Только чьи-то далёкие косы
Безутешные ищут басы.

ВЕНЕЦИЯ

Гиганты бьют полночный час.

А. Блок

1

Там время застыло по милости божьей
И в улочках тесных течёт неподвижно,
Там голубь воркует со времени дождей
У старого Марко на плечи булыжной.

Когда я растаю в далёком эфире,
Когда я освою небесный посёлок,
Венеции сизой, как память о мире,
Под сердцем оставь драгоценный осколок.

Пусть улочки эти приблизятся снова,
И в горнем покое кольнут на мгновенье
Янтарные блики канала ночного
И в запахе моря по жизни томленью.

Там, только холодные ветры подули,
Скрывают лицо за картонной улыбкой,
Мелькают наряды, ступают ходули,
И клювы снуют за ликующей скрипкой.

Хватайте подружек под шум карнавала,
Кружитесь у моря в обветренной пляске;
Когда вы поймёте, что всё миновало,
Припомните эти подвижные маски.

Когда заскрипите по доскам настила,
Кряхтя над водою, что все перемёрли,
Что в мире недолго душа погостила,
И годы першат в неприкаянном горле.

Далёко, в России есть город похожий,
Там только мосты над волнами длиннее;
Там бродит подолгу усталый прохожий,
В надежде случайно увидеться с нею.

Нелепой под старость мечте потакая,
Ведь столько прошло, как со времени дождей:
И он не такой, и она не такая...
И что мне сказать ей?
И все же, и все же...

На стены ложатся недолгие тени,
И слышится песня о прелести донны
Под плеск еле слышный о плесень ступеней,
Под шелест вечерний скользящей гандолы.

Смеркается быстро. И матово блёкла
Стальная поверхность. Но мало-помалу
В соседних домах загораются стёкла,
И зыбкие блики бегут по каналу.

А песня всё дальше уходит к заливу,
Слабеющий голос доносит оттуда,
Как лет отдалённых призыв сиротливый,
Как тающей жизни щемящее чудо.

Гиганты готовят работу на башне
И ждут в темноте своего господина;
И завтрашний день окликает вчерашний,
Как будто не слиты они воедино.

Неярко мерцая, глядят издалёка
Созвездья несметные над колоннадой,
И ветер с лагуны, тревоживший Блока,
Глаза увлажняет бессмертной прохладой.

* * *

Этот крест не отдам никому.
Это бремя завещано мне,
Как упрямая песня в дыму,
Как пылающий голос в огне.

И, когда догорит на земле
Тяжело развалившийся сруб,
Я – как шорох в остывшей золе,
Немота у запёкшихся губ.

Оттого мне и ноша легка,
Что со мной дирижёр говорит,
И над жизнью взлетает рука:
То взлетает рука, то парит.

* * *

Третий день дожди и стужа,
Да собак унылый лай.
Ходит баба, ищет мужа,
Кличет: – Коля, Николай!

Надрывает слабый голос,
Так сильна её тоска,
Только вспомнит, как колелась
Хорошо его щека.

Зов её разносит ветер,
И примешивает свой...
Только кто же им ответит
С перебитой головой.

КРЫМ

Сергею Цигалю

«Зачем шумит бессмысленная пена,
Опять, опять на берег наползая;
Зачем прибой вздыхает, как живой,
Где видано, чтоб мёртвое дышало?» –
Стоял у моря и шептал Волошин.

Не так давно в Ливадии осенней
Перед семьёй бодрился Александр,
Но Бога звал, измученный водянкой,
И угасал могучий бородач.

А рядом дрался шишками на крыше
Наследник и последний русский царь...
Играй, играй – ещё далёко Псков,
Сибирь, тоска и холодок подвальный.

«Зачем шумит бессмы...» – шептал Волошин,
И Белый шёл со Штайнером под мышкой,
Цветаева – ещё совсем ребёнок –
Сбегала вниз по мягкому песку.

Что будет здесь через десяток лет,
Когда к воде приблизятся разрывы,
И под завязку пароход последний
Прощальным басом берег позовёт.

Куражились, погоны отрывали,
И на погрузку гнали, как животных,
Штыками торопили, матерились;
И стонущие баржи шли на дно.

Бродили здесь голодные крестьяне,
Притихшие, растерянные тени,
С застывшей мукой в тающих зрачках:
«Куда податься?» –

Но уже цвели
Советских здравниц клумбы и фонтаны.

Когда гурьбой смеющейся в спортзал
Врывались полосатые футболки,
Уткнув в бушлатик подбородок колкий,
В сибирской зоне Осип замерзал.

К мечетям жались местные татары
Перед глухим путём в тартарары.
Шестидесятых лёгкие гитары,
Романтики последние костры.

Потом сукно бильярдное терзали,
Мусолили шестёрки и тузы
Шахтёры со свинцовыми глазами
Перед лицом порубленной лозы.

Но вот на берег хлынула валюта,
И бодро застучали молотки;
И брызги от шампанского салюта
Заляпали палатки и лотки.

И всё смешалось: бритые амбалы
С тяжёлыми цепями на груди,
Журнал с портретом Барака Обамы,
Ночные бары, столики с блядьми,

Волошинские чтенья и стриптизы,
Рулетки, караоке, шашлыки;
И путают затейники репризы,
И шлягеры меняют кабаки.

Где так орёт охрипший микрофон,
Что у вершин закладывает уши.
Уже без сил у столиков трясутся,
Несут шашлык, меняется посуда,

В сортире в спешке давятся слюной, –
И бесится, не успевая, жизнь
Урвать своё перед грядущей бездной,
И с визгом лезет в море,
И блюёт...

А утром над бледнеющим заливом
Прохладные проходят облака.
На набережной чутко и пустынно.
И ветер с моря мусор шевелит.

Лишь редко чайка вскрикнет у воды,
Да каблучками гулками стучит
Случайно загулявшая девчонка
В вечернем платье – отсыпаться всласть...

Зачем шумит бессмысленная пена?
Бог ведает, зачем она шумит.

ВОРОБУШЕК

Рушане

Маленький, хрупкий воробушек
Скачет и просит поесть.
Я покрошу ему хлебушек:
Скачет и шустро клюёт.

Сколько нечаянной радости
Дарит нам случай простой...
Маленький, хрупкий воробушек,
Рядом почаще скачи.

ПАГАНИНИ

Где камина ленивая дрёма
Угольками забвенья манит,
Позови меня, ветер, из дома
В перекличку колёс и копыт.

Нам уже никогда не согреться
В угрызениях гулких разлук.
Год за годом – и силы, и сердце –
Всё ушло в ускользящий звук.

Ты в скитанья затем и отпущен,
Чтоб витийствовать темой сквозной, –
Просвисти мне о граде грядущем,
Как посланник его и связной.

Разве мне эта россыпь оваций,
Мишура поздравительных лент –
Я бессмертных твоих вариаций
Лишь послушный тебе инструмент.

Подхвати меня с прежнею силой,
И на голос небесной трубы
Пронеси над тоской, над могилой –
Над сутулым бессильем судьбы.

Или просто – обветри коляску,
И с возничим тяни с облучка
Про дорожную вечную тряску
И тоску от смычка до смычка.

* * *

Стекают капли пота,
На брови набега,
Строгать гробы – работа
Не хуже, чем другая.

Так остро пахнет стружка,
И дышишь каждой жилкой.
Встречай меня, подружка,
Усмешкой и горилкой.

А налетят ребята
И побузят немного –
Гуди, звонарь горбатый,
Буди меня и Бога.

ПЕТЕРБУРГ

Евгению Рейну

На всю Россию ты простёр
Пыл вдохновений и восстаний;
Ты весь – пространство, весь – простор,
Студёный ветер над мостами.

Напрасно моросят дожди –
Бежишь шагами молодыми,
И жизнь как будто впереди –
В свободе, море и гордыне.

Великий позапрошлый век
Впечатался в твои граниты,
И скоро снова жёлтый снег
Облепит пасмурные плиты.

Здесь Тютчев что-то говорил
С мучительным недоуменьем
Над неизменностью перил
И всё минующим теченьем.

ШИРАНСКИЙ

Как, на полу цементном коченея,
В смертельной не отчаяться тоске?
Лишь шахматных этюдов панацея
Тебя спасала в каменном мешке.

Бывало, пешка медлила с атакой,
Боясь в беде оставить короля, –
Когда ж свободны белые поля –
Смотри в глазок или засовом звякай –
Ты далеко, грядущий гость Кремля.

Когда же ты сдавался, холодея,
И падал в чёрный ужаса провал,
Палящий луч далёкой Иудеи
Через моря и годы согревал.

* * *

О, как земля чужбинна...

Когда пробиваются почки
Навстречу лучам золотым,
Прошу я у неба отсрочки
Свиданья заветного с ним.

Наверное, легче проститься
С дымком восходящей судьбой,
Когда перелётные птицы
Зовут в синеву за собой.

Под ними – притихшие рощи
И в праздности рыхлой поля;
Просторнее стала и проще
В предверии снега земля.

В осенней, дремотной печали,
В смиренной, прощальной красе
Такая чужая в начале,
Такая родная в конце.

ВЕНА

Когда погасят в зале свечи,
Тяжёлый бархат уберут,
И женщин радостные плечи
И бордовом сумраке замрут,

Застынут, вслушиваясь, лица.
И лишь прелюдии вослед
Над перевёрнутой страницей
Колышется неяркий свет.

И я присутствую незримо
Там, где рояль в полубреду
Рыдает в ухо серафима
У строгой Вены на виду.

Где лёгкая – утешить скерцо
Рука протянется с высот
И усмирившееся сердце
Над миром плавно понесёт.

Ведь ты в тумане не оставишь
Того, кто сбился и устал, –
По мановенью беглых клавиш
Вернёшь магический кристалл.

И я не дрогну и не сдамся,
Прямую утверждая речь,
Под взмахи и гримасы Брамса,
Под угасанье венских свеч.

БРИТТЫ

Виктору Гольшеву

Давным-давно исчезли бритты.
Так грозно их Артур водил,
Но заросли травой плиты
Дворцов, часовен и могил.

Да, в Оксфорде ржавеют строки
С веками выцветших чернил,
Где Гальфрид, завершив уроки,
Рассказ о Лире сочинил.

Но их упрямая отвага,
Сквозь время пронесённый стяг
В названьи реющего флага
По всем морям прошелестят.

Прервётся у Замбези танец,
В степи притихнет кенгуру,
Когда сюда придёт британец
И шлем затянет на ветру.

ЛЕЙПЦИГ

В узких улочках гуляя,
Зябко ёжится народ.
От Фомы до Николая
Затянуло небосвод.

Ничего давно не ново:
Город, церковь, неба муть;
Старика очередного
Шаткий и недолгий путь.

Гроб трясётся на повозке
Под негромкий стук колёс,
На ветру поют подростки,
Чтоб ему верней спалось.

Широко шагает кантор,
Хоть и ростом невысок,
Тонко ухо музыканта
Слышит каждый голосок.

Хором шмыгая носами,
Грязью пачкая чулки,
Под сырыми небесами
Голосят ученики,

За покойником шагая
Под церковный перезвон,
Башмаками постигая:
Свадьбы лучше похорон.

* * *

А.П. Межирову

Шла лихая игра на втором этаже
В этот вечер туманный и мгlistый,
И, наживу заранее чуя уже,
В ожиданьи томились долисты.

Был заезжий любитель в надёжных руках
И в плену безнадёжных иллюзий.
Он по лузам стучал, он витал в облаках,
И всё туже затягивал узел.

А под утро и вовсе поплыл пассажир
И откуда-то вынул заначку,
И с усмешкой сухой на сукно положил
В упаковке тяжёлую пачку.

И пошёл шепоток посреди знатоков,
Долго спорили, перебирали:
То ли сеть по Сибири подпольных цехов,
То ли тихий приход на Урале.

А хозяин в рассохшемся кресле дремал,
Под обстрелом удерживал роту,
То слабеющий взгляд на игру поднимал,
То опять погружался в дремоту.

Там за взрывом летела земля на погон,
И нельзя отойти без приказа;
И качал подстаканники мягкий вагон,
Проплывая цветенье Кавказа.

Там наполненный рог поднимал тамада,
И в кувшинах несли цинандали;
И под топот усталых сапог города
В обожжённых руинах лежали.

Там печально над грязью воронок и тел
Голосили какие-то птички,
И на улице Гоголя фраер летел,
И хозяин дремал по привычке.

Потому, что теряешь к игре интерес,
Если прежде зачитана повесть;
И шумел за окном переделкинский лес,
На ветру к восхожденью готовясь.

РИО

Не зря мечты и подвиги Остапа
Тянулись к этим пальмам вдалеке,
Там беззаветно сразу же у трапа
Гоняют мяч горячий на песке.

Чтобы с годами короли футбола
В девятку с лёта поражали цель;
Там карий взгляд мулатки полуголой
Тебя влечёт, как в детстве карамель.

Там в лёгких толпах радостно и бодро,
Под барабаны проторяя путь,
В неустомимом ритме ходят бёдра,
И вся в огнях подрагивает грудь.

Там в край далёкий город возвращает,
Где нагота бесстыдна и чиста,
И молодых танцовщиц не смущает
Огромная над Рио тень Христа.

* * *

Скрипачке Вите

К исходу лета высыхает Крым,
Ленивый зной стоит над побережьем;
Не так ли мы – и алчем, и горим –
И долго тлеем, позабыв о прежнем.

Уже вечерним золотом горят
Наплывы волн в чепцах усталой пены,
Уже торговцев говорливый ряд
Везёт товар и выставляет цены.

А девочка опять бежит к воде,
Над галькой ходят острые лопатки;
Хоть век броди – но нет тебя нигде,
Одни лотки, купальни и палатки.

Осталась лишь улыбка у смычка
Восточных глаз то хмурых, то лукавых;
Земля суха, как память старика,
В безжизненных и помутневших травах.

* * *

В душе, где плакала она,
И долго слёзы высохали,
Теперь простор и тишина,
Как в Арктике или Сахаре.

Ещё я слышу этот плач,
Но ничего уже не ранит,
Как будто я послушник в храме
И облачился в жёлтый плащ.

ОСЕННЯЯ СОНАТА

1

(Аллегро)

Когда над морем гибнет ветер,
Упругий обвисает шёлк;
Пожалуй, сам я не заметил,
Как это лежище нашёл.

Пронизан пылью воздух спёртый.
И здесь терпеть? И здесь чадить?
Чернильницей бросаться в чёрта,
И замки в воздухе чертить.

Искать в шкафу лекарства шарик,
Как и пристало старикам;
И, как слепой, от скуки шарить
По лицам, странам и векам.

Уже затянутые ранки
Воспоминаньем бередить,
И, словно ручкой от шарманки,
Себя размером заводить.

Когда в берлоге вязнет тело,
Выносит на свободу стих...
Как быстро время пролетело
В порывах музыки пустых.

2
(Анданте)

Плестись по чёрствым дням я больше не хочу,
И сердце расточать в размеренных химерах.
Ступаю по листве к случайному врачу,
Свободе от судьбы учусь в осенних скверах.

Помедленней пройди – и у скамьи застынь,
И память раствори в смиреньи увяданья.
Смотреть на листопад – и постигать латынь
В последней простоте прохладную к страданью.

За городом бродя в осенний скучный зной
Среди иссохших водорослей и мидий –
Подолгу за изменчивой волной
Рассеяно следил тоскующий Овидий.

И глядя, как вдали бежит пологий вал,
Как плавно и легко над ним кружится птица,
В каком-то забытии стеклянном забывал,
Как тяжело зимой и далеко столица.

...Природа сентября, как чистая тетрадь,
В которую судьба вписать себя забыла.
В прозрачном холодке уже не разобрать:
То было ли со мной – всё, что когда-то было?

3
(Аллегро)

Михаилу Анищенко

Снова тучи сползлись к непогоде,
То ли дождик сечёт, то ли снег...
Расскажи мне, поэт, о свободе,
Позабывшей про тёплый ночлег.

Я о дырах в бюджете жалею,
Городские удобства ценю,
Тяжело пожилому еврею
Не держаться за эту...

Но в ненастную ночь почему-то
При ущербной и мутной луне
Беспощадно, как русская смута,
Поднимается что-то во мне.

Словно в зал ожидания вокзальный,
Где на жизнь затянулся транзит,
Из распахнутой юности дальней
Холодком и презреньем сквозит.

И ненастье свистит, и уносит
В откровенье дождя с темнотой,

Где наряды оставила осень
И последней казнит прямою,

Где в потёмках безликих окраин
Из потёртого дождевика
Ветер траурный слушает Каин,
Чтобы дальше брести сквозь века.

Привыкаем в насиженных норах
Близоруко считать колоски...
Ближе Бог на открытых просторах
В упоеньи бескрайней тоски.

В неоглядной грязи бездорожий,
Долгих ливнях и белой пурге,
Там, где странник скитается божий
Или зэки бегут по тайге.

Где порою ни крова, ни хлеба –
Только близкое над головой
Облаками зовущее небо,
Только ветер – его вестовой.

Хорошо умереть на просторе,
Где, от нас не завися никак,
Рожь торопится, плещется море,
Или просто идёт товарняк...

АРИОН

У края бездны всё острее,
Всё искренней душа горит;
Так чайка раненая, рея,
Над морем вечером парит.

Так жизни окрик журавлиный
Зовёт бредущих на расстрел,
Так Арион перед пучиной
Пиратам обречённый пел.

КНОРОЗОВ

У лампы над столом немеркнувшей упрямо,
У спящих стеллажей кунсткамеры ночной
Всю жизнь ты уходил от будничного гама
В мерцающий язык, в далёкий мир иной.

И ты увидел их – под занавес, на вздохе –
Чей первобытный зов несказанным томит,
Свидетелей тобой разгаданной эпохи –
Средь зарослей густых ступени пирамид.

И ты, сложивший жизнь к далёкому подножью,
В испарине дрожал, вода по ним рукой;
Так в наслаждении дрожат последней дрожью
И в муках перед тем, как обрести покой.

Когда погрязло всё в базаре и раздоре,
Исполнивший судьбу ты как-то сразу сник;
И уходил один в больничном коридоре,
Как уходил всю жизнь в неведомый язык.

* * *

Чтоб не месить грязь,
Надо унять рысь,
И оборвать связь,
И унести ввысь.

Перекусив нить,
Лёгок полёт лет,
Но тяжело быть,
Если тебя – нет.

ДВАДЦАТЫЙ

И потому на знакомом перроне,
И под долгий колёс перестук
Увези меня в тесном вагоне
На вдали догорающий юг.

Пусть дымят, и кемарят от скуки;
Мутноватые стёкла дрожат;
Разобщённые временем руки
Над пустыми полями кружат.

Тянет в тамбуре гарью дорожной,
И гудок замирает глухой...
И пошлёт мне Господь невозможный,
Как из будущей жизни, покой.

Словно в кадрах замедленной съёмки,
Станет мир онемевший далёк;
Пусть толпятся мешки и котомки,
И со станций несут кипятки.

Пусть никто никого не встречает,
Где горит колыбельный закат;
Пусть вагон обречённо качает,
И колёса упрямо стучат.

* * *

О, если бы я шёл ко дну
И в нужный час не укололся –
Все песни бы сложил в одну,
Одной бы нотой обошёлся...

Так волки на метельном поле
Утробно воют на луну.

ФЛОРЕНЦИЯ

Флоренция, печаль мою услышь!
О дальних лицах погрузи со мною.
Под сводами твоих покатых крыш
Творила скорбь над участью земною.

В какой-нибудь привычный летний день
Буонарроти пыль глотал у скола,
И уточнял Да Винчи свет и тень,
И стены сотрясал Савонарола.

Где нынче смерть – искусства чернозём?
Где в тучах божий гнев непостижимый?
Не потому ль так жалко мы ползём,
Штурмуя низкорослые вершины.

Великий град! Времён распалась связь.
И мы одно лишь перенять сумели:
В глухих авто, разбрызгивая грязь –
Летят ученики Макиавелли.

О ЛИЦАХ ДАЛЬНИХ

Вступление

Люблю в затишье прерванного бега
С лыжни морозной поглядеть кругом,
Сухой ковыль над искорками снега
И деревеньку дальнюю с дымком.

Люблю арбуз – природы совершенство,
С победным треском празднуя надрез,
Вонзаться жаждой в алое блаженство,
Во влажный дар твоих сухих небес.

Встречать улыбкой первый плач незрячий,
Смотреть с печалью старости вослед;
Отогревать над мордою собачьей
На сердце наледь безучастных лет.

Но всё нам дарит лишь одно творенье,
Один земли настойчивый магнит:
Глазам – отраду, плоти – наслажденье,
И жалостью, и нежностью томит.

Таня

Не близки мне посевы имперские:
В алых галстуках клятвы, салют –
Только зорьки твои пионерские
Над землёй, полыхая, встают.

Утро каждое радио звонкое
Пробуждало твоим голоском,
А на даче глазастой девчонкою
Прибегала ко мне босиком.

Как же годы легко забываются,
Примелькавшись, быстрее летят;
Только синие ночи взвиваются
И в созвездья кострами искрят.

На площадку начальную, летнюю,
Повинуясь далёкой трубе,
Выхожу на линейку последнюю,
Плачу – и салютую тебе.

Ира

Бродил по городу, приехав,
И знал, что ты уже летишь,
И тихо улыбался Чехов
С больших расклеенных афиш.

В пенсне усталом и нестрогом
Он видел – в зное и пыли
Изныла степь под Таганрогом,
И скучно сохнут ковыли.

И через год ты выйдешь замуж,
Уедешь от родных афиш
За долгий океан – а там уж
Совьёшь гнездо, детей родишь.

И лишь сквозь годы дразнит снова
Твой карий, твой угрюмый зов,
И лёгкий ветерок с Азова,
И бой гостиничных часов.

Вита

Всё мерещится – маленькой, гибкой,
Мимолётной, как влаги глоток,
С неразлучной в чехольчике скрипкой;
И за лёгкой славянской улыбкой
Азиатский влечёт холодок.

На аллеях твой облик некрепкий,
Невесомая поступь твоя –
Так витают в свету однодневки
На незримом краю бытия.

Ты играла за горсточку гривен
В ресторане у южных огней,
И меня оживила, как ливень –
Изваянье засушливых дней.

Может это задумал Бетховен
У бессонной тоски ночника,
Но в чаду сигарет и жаровен
Бесприютно порхала рука.

Не унять угрызений с годами.
Как же ты не сумел, не сберёг
Эту скрипочку – в дыме и гаме,
Полосующий сердце смычок.

Заключение

Без ревности, тревоги и обиды
Вы все со мной – я всех вместить могу,
С кем я бродил по берегам Тавриды,
И вдоль сугробов в иглах на снегу.

Усталые от лет несправедливых,
Бескрылые от сумок и тоски, –
Как в дальних днях беспечных и счастливых,
Вы лишь во мне подвижны и легки.

Кто знает – может, кончится дорога,
И юные мы так же воспарим
В прохладном и просторном сердце Бога,
В начале нас возлюбленные им.

В ЛАМАНЧЕ

В дальнем углу умирающий старец,
Душны и жарки последние дни:
В стойле мычат, домочадцы устали...
Ближних не мучай – с концом не тяни.

Свиньи в корыто тычутся рылом.
Рыхло зевая, крестьяне встают.
Грузят товары и едут на рынок.
В карты играют, и в церкви поют.

Ну, а когда успокоится сердце
Над болтовнёй пожелтевших страниц,
Будут всё так же под небом вертеться
Лопасты мельниц и ляжки блудниц.

Всё, что Господь в барабане железном
Перемешал, раскрутил, завертел,
Всё, что в упрямстве своём бесполезном
Ты почему-то принять не хотел.

Завтра в корчме Дульсинеи Тобосской
Будет привычно толпиться народ;
Тучный мужик за скрипучей повозкой
Слёзы на потном лице разотрёт.

ДОМОЙ

Брату Саше

Я ещё по тропинке притоптано твёрдой,
По сырому снежку в подмосковном лесу
До заветной калитки со старой щеколдой
Драгоценную нежность свою донесу.

И воспряну в призыве окрестного мая
Там, где к столику лист прошлогодний налип,
Где, безумьем грозя и сердца надрывая,
Разливается запах проснувшихся лип.

Доберусь по затишью с улыбкой неловкой
В отдыхающем воздухе светло пустом
До опавших берёз с бельевой верёвкой
И собаки навстречу с неуёмным хвостом.

БЛОК

Четвёртый день метель кружилась
Над воем обречённых псов,
А ночью Вырубова снилась
И гулкий камеры засов.

Ты помнишь, шелест манифестов,
Штыков встревоженную сталь,
Когда в присутственное место
Спешил усталый секретарь.

Бранили Гришку в кабинете,
И кто тогда подозревал,
Куда ведут допросы эти,
В какой разбрызганный подвал.

Ещё к отечеству любовью
Гневилась каждая строка,
Ещё блевотиной и кровью
Полы не хлюпали в ЧК.

От ленточки стенографистки
Ещё не потянулась нить
В метель без права переписки,
И в смерть без права хоронить.

И пусть судьба тебя хранила
От этих чрезвычайных мер,
Перо обмакивать в чернила
Ты и для лучшего умел.

...И вот опять в упрямом снеге
От Пряжки и до Моховой
Бреди в мороку редколлегий
Литературы мировой.

В холодный улей заседаний,
В гуденье истин прописных
Вдоль уходящих в Лету зданий,
Где вонь в подъездах ледяных.

И ветер над столицей хмурой
Разносит с вьюгой эту вонь,
И мировой литературой
В буржуйках теплится огонь.

* * *

Всё чище, всё легче, всё чаще
(Дюймовочка? птичка? свирель?)
Трепещет и льётся из чаши
Какая-то чудная трель.

Над зеленью тенькает, свищет,
Справляет забвенья забот,
Всё выше, всё легче, всё чище –
Волнуется, вьётся, зовёт.

И вот уж совсем недалече
Парит над сплетеньем ветвей
Всё выше, всё чище, всё легче,
Прозрачнее, тоньше, светлей.

РИМ

Сергею Алиханову

Где, широко расправив крылья,
Над Римом свастика парит,
Концовки арий тянет Джилья,
Блестает дуче фаворит.

В дыханьи Рима – запах смерти,
Закатный дым, жужжанье мух,
А в зале пожинает Верди
Плоды затворнических мук.

Ещё терзается на сцене
Страдальца грузное лицо,
Ещё над узником Скорцени
Не дёрнул резко за кольцо.

У ног Марии – римский папа
В соборе молится Петра,
Ребята хмурые в гестапо
Не унимаются с утра.

Кого-то рвут в глухом подвале,
И он без голоса орёт;
И на всемирном карнавале
Не иссякает хоровод.

И от Нерона до Карузо
В кипеньи праздничной реки
Проносит оперная муза
Свои кровавые клыки.

* * *

Всё досталось безлюдью и вьюгам.
Даже Сольвейг уже не поёт.
За полярным спасительным кругом
Одинокое солнце встаёт.

Там хотел бы устать и причалить,
Где тяжёлые ветры свистят,
Где бросается море на наледь,
И над брызгами чайки кричат.

Я со всеми скучал и крепился,
Но когда мы к земле подойдём –
Только ветер окликнет у пирса,
Только чайка помашет крылом.

Уповая на слово Господне,
Завершаются наши труды,
Опускаются шаткие сходни
На твердыню у тёмной воды.

НЕМАЯ РЕЧЬ

Иль дней былых немая речь...

А. Фет

Один бы только день! В тумане первых улиц
С вокзала в ранний час представить на ходу,
Что на Крестовском – тишь, и уточки проснулись:
Ныряют в полыню и топчутся на льду.

Сквозь морось добрести, пристать у Грибоеда,
Где дремлет пара львов над мостиком крутым.
Немного отдохнуть... слоняться до обеда...
И каждый миг гореть свиданьем золотым!

Где у просторных льдов застыли две колонны,
Где ветры над рекой пронзительно свистят,
Узнать издалека твой облик оживлённый
И увидеть вблизи твой чуть раскосый взгляд.

В подвальчике вином согреться у собора,
И, изнывая вновь от этих детских плеч,
Услышать, как вдали – за гребнем разговора,
Мигая, как маяк, – звучит немая речь.

Ты та же, что всегда! Припомни всё, что было.
Скользни по волосам небрежною рукой..
Я долго бы смотрел, когда ты уходила...
Один бы только день! А там – и на покой.

ДЕТСТВО

Где лодки на привязи бьются бортами,
И звякают цепи от лёгкой волны,
В тени камышей затяжными рывками
По глади озёрной скользят плавуны.

У мостиков узких в укромных затонах,
У тонких и зыбких прибрежных берёз
Я помню прозрачную жизнь насекомых:
Скольженье жуков, зависанье стрекоз.

Пусть всё «суета и томление духа»,
Но мы их к исходу оставить вольны:
Добраться до кромки, улечься на брюхо
И долго смотреть, как скользят плавуны.

СОДЕРЖАНИЕ

1974 – 1985

«Как зверёк недогадливый, бился...»	5
На лыжах	6
Столешников	7
У моря	9
Байрон	11
«Что там невнятно лепетала ты...»	12
«Ладочки тянут побирушки...»	13
«К брату я шёл через поле ночное...»	14
Бараташвили	15
«Когда я стану старый...»	16
Дорога	17
«Люблю берёзовую рощу...»	18
Мостик	19
Игрок	21
Прибой	22

«Его глаза полузакрыты...»	23
У памятника	24
Свидание	25
Март	26
«Ах, вам наверно незнакомо...»	27
В метро	29
В палате	31
Кавказ	33
Ночью	35
«Гуляла с любимой собачкой...»	36
Пустыня	37
«Всё волновало: голос, и походка...»	38
«Всё знакомо на этой тропинке лесной...»	39

1986 – 1995

«Наклонится ли дерево к пруду...»	43
Сергиев Посад	45
«Скучно шахтёру бродить среди пальм...»	46
Ёжик	47

«Когда она выходит из волны...»	48
«Уже цветёт сирень...»	49
«Полвека пронеслось...»	50
Саврасов	52
«Знаю, что приеду в этот город...»	53
«На исходе дня...»	54
Дума	55
Старуха	56
Начдив	57
Гамлет	58
«Лучшее, что видел в этом мире...»	59
«Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной...»	60
Утром	61
Комар	62
Предпочтение	64
«Всё здесь дремлет – и разум, и совесть...»	65
Таджик	67
Кальвин	68
«Вначале с урками братались...»	69
Галапагосы	70

«Когда «вовчики» выкурят «юрчиков»...»	71
Трясогузка	72
Апрель	73

1996 – 2011

«И, когда рассеялся туман...»	77
«Он проходит походкой упругой...»	78
«Был стройный мир и прочен, и велик...»	79
Замерзающий бомж	80
Лида	81
Павел	83
«Что толку в яхтах и копилках...»	85
«Как живётся, крошечка...»	87
Жара	89
«Причитала стройная в тетрадках...»	90
Новорязанская	91
Кортанеты	92
Гомер	94
Малеевка	95

«Бывает жизни жаль немного...»	96
Песок	97
«Проснуться в детдоме районном...»	98
Басё	99
Люк	100
Монах	101
Снежинки	103
Козловский	104
Индия	105
Беслан	106
Вальс	108
«Так медлит снег, хотя пора настала...»	109
«Как я любил сугробы эти...»	110
«И ревёт, и лижет вол...»	111
«Как я счастлив на этой неделе...»	112
Нелётная погода	113
Командировка	114
Восток	115
Малеевка	116
Языческий храм	117

«Кто эта грузная старуха...»	118
Метель	120
«Как ты ворочалась в постели...»	121
Моцарт	123
«Над биржами Лондона хмуро...»	124
Гармонь	125
Венеция	126
«Этот крест не отдам никому...»	131
«Третий день дожди и стужа...»	132
Крым	133
Воробушек	137
Паганини	138
«Стекают капли пота...»	140
Петербург	141
Ширанский	142
«Когда пробиваются почки...»	143
Вена	144
Бритты	146
Лейпциг	147
«Шла лихая игра на втором этаже...»	149

Рио	151
«К исходу лета высыхает Крым...»	152
«В душе, где плакала она...»	153
Осенняя соната	154
Арион	160
Кнорозов	161
«Чтоб не месить грязь...»	162
Двадцатый	163
«О, если бы я шёл ко дну...»	164
Флоренция	165
О лицах дальних	166
Вступление	166
Таня	167
Ира	168
Вита	169
Заключение	170
В Ламанче	171
Домой	172
Блок	173
«Всё чище, всё легче, всё чаще...»	175

Рим	176
«Всё досталось безлюдью и вьюгам...»	178
Немая речь	179
Детство	181

ISBN 5-902913-03-9

© Гофман В.Г.

© ООО «Художественно-издательский центр», 2011

Полустанки

Подписано в печать 07.09.2011.
Формат 70x100¹/₃₂. Гарнитура AGPalatial.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 0901.

Издательство
ООО «Художественно-издательский центр», Москва
Тел. (495) 233 2217